

А. Н. Верещагина

Акустическая картина мира в лирике Г. Адамовича

В статье рассматривается влияние акустического типа восприятия на становление эстетической системы Г. Адамовича. Основываясь на анализе художественного материала, автор статьи приходит к выводу о важной роли аудиального мировосприятия в формировании индивидуального стиля поэта.

Ключевые слова: акустическая картина мира, языковая репрезентация, чувственное восприятие, эмоционально-оценочный компонент.

A. N. Vereshchagina

Acoustic picture of the world in the lyrics of G. Adamovich

The influence of the acoustic type of perception on the formation of aesthetic system of G. Adamovich is considered in this article. Basing on the analysis of artistic material the author of the article comes to the conclusion that the role of sound perception of the world in the formation of the individual style of the poet is highly essential.

Ключевые слова: acoustic picture of the world, language representation, sensory perception, emotional and evaluative component.

«Картина мира, заключенная во всей семантической системе языка, есть продукт познавательной деятельности» [3, с. 59]. При этом познание окружающего мира происходит посредством восприятия действительности, носящего во многом невербальный характер и имеющего ситуативно-психологическую обусловленность, и представлений о мире, приводящих к формированию картины мира, концептуальной системы языка и мышления, процессу категоризации, концептуализации и вербализации перцептивных знаний. Представления образуют концептуальную структуру, объединяющую чувственную и языковую модальности, создается «единый уровень мыслительной репрезентации», на котором «сопрягаются языковая, сенсорная и моторная информация» [4, с. 12]. В произведениях словесного творчества перцептивные компоненты вовлекаются в процессы символизации и художественной концептуализации представлений об окружающей действительности, становятся компонентами художественной картины мира. Известно, что чувственное восприятие осуществляется по нескольким сенсорным каналам: обонятельному, слуховому, осязательному, вкусовому, визуальному. В данной статье мы обратимся к рассмотрению языковой репрезентации акустической картины мира в лирике Г. Адамовича.

Для аудиального восприятия окружающей действительности в лирических произведениях поэта характерно наделение различных источников звучания сходными акустическими чертами. В мироощущении Г. Адамовича тождественными звуковыми характеристиками могут обладать как явления природы, так и объекты, созданные человеком. Одной из наиболее характерных акустических черт окружающей действительности в мировосприятии поэта является *звон*.

Ветерок от Валаама
Звон малиновый несет
<...>
Тонкий *звон*, *звени* и падай,
Чтоб не потерять пути
<...>
Празднуй, празднуй новоселье,
Убегающий во скит [1, с. 5].

Звонит гармоника. Летят качели [1, с. 24].

И холодный сентябрьский ветер
Звенел в телеграфных нитях [1, с. 24].

Еще о нежности *звенели* трубы,
И бред летел с похолодевших губ [1, с. 38].

Запомни же, как над тобой в апреле
Небо светилось всею синевою,
Солнце сияло, как в ушах *звенели*
Арфы, сирены, соловьи, прибой [1, с. 84].

Был зов золотых колоколен,
 Был в воздухе *звон*, а с Невы
 Был ветер весенен и волен
 И шляпу срывал с головы [1, с. 85].

Куда, куда? – мы недоумеваем.
 Какой-то *звон*, сиянье, пустота... [1, с. 88].

В контексте поэтических произведений Г. Адамовича сближение различных объектов окружающей действительности посредством тождественной акустической характеристики способствует передаче сходных душевных и эмоциональных переживаний лирического героя. Так, например, *звон*, исходящий от святых мест или сопровождающий приход весны, наполняет душу человека предчувствием новой жизни, обретения истинного пути своего существования. Единными звуковыми характеристиками в мироощущении поэта обладают, как правило, музыкальные инструменты (*колокола, гармоника, трубы, арфы*), а также птицы и волны, ветер. Отметим также, что в контексте процитированных выше отрывков в семантику лексем *звон, звенеть* привносится положительный эмоционально-оценочный компонент за счет соположения с прилагательным *малиновый* и предложно-падежным сочетанием *о нежности*. Заметим, что значимость акустической характеристики в мировосприятии поэта может подчеркиваться посредством повтора однокоренных слов (*звон, звени*).

К одним из наиболее характерных акустических черт окружающей действительности в мироощущении поэта относятся не только звуки, порождаемые неодушевленными предметами, но и звуки, издаваемые живыми существами (людьми, птицами).

Уже вакханок слышится вдали
 Тяжелое и радостное *пенье* [1, с. 7].

И страшно грустно, близко тут
 Под окнами проходит *пенье*, –
 То братья бедные бредут
 На Волково успокоенье [1, с. 8].

Поет, поет тоска [1, с. 9].

И тонко *поют колокольни* [1, с. 16].

Устали мы. И я хочу покоя,
 Как Лермонтов, – чтоб небо голубое
 Тянулось надо мной, и дрозд бы *пел* [1, с. 52].

На камне женщина *поет* без слов [1, с. 70].

Отметим, что в отличие от лексем *звон, звенеть*, определяющих звук, исходящий от различных источников и воспринимаемый, как пра-

вило, как положительное явление, семантика слов *пение, пел, поет* в лирических произведениях Г. Адамовича приобретает отрицательный эмоционально-оценочный компонент, поскольку пение в мироощущении поэта оказывается связано с *грустью, тоской*, с покоем, который обретает человек лишь после смерти. Заметим также, что и пение в мировосприятии поэта является акустической характеристикой, сближающей между собой не только различные объекты действительности, но и абстрактные понятия.

Отрицательный эмоционально-оценочный компонент актуализируется и в семантике лексемы *голос*, так как именно воспринимаемый лирическим героем голос становится предвестником гибели человека.

Как стон плывущей головы,
 Умолкнет *голос* бедного Орфея [1, с. 27].

Как иголкой в сердце, снова
Голос вещей услышать [1, с. 76].

Два *слабых голоса*, два лица.
 Воспоминаньям нет конца [1, с. 79].

Легким *голосом* иного мира
Смерть со мной все время говорит [1, с. 81].

Но слышится мне *голос* лебединый,
 Как вестник торжества и вестник бед [1, с. 93].

Заметим, что в процитированных отрывках обладатель голоса либо прямо называется (*Орфей, смерть, два лица*), либо не указывается. Снижение интенсивности звучания голоса на языковом уровне находит выражение посредством употребления лексем *легкий, слабый* и в мироощущении поэта ассоциируется, с одной стороны, с легкостью, необремененностью существования души, покинувшей мир, а с другой – воспринимается как указание на слабость человека, его неспособность противостоять жизненным невзгодам. Отрицательный эмоционально-оценочный компонент привносится в семантику лексемы *голос* в контексте словосочетания *голос лебединый*, являющегося отсылкой к фразеологизму *лебединая песня*.

Акустической характеристикой, способствующей передаче мироощущения поэта, его душевных переживаний, является не только наличие определенных звуков, но и их отсутствие. Тишина при этом, как правило, становится атрибутом определенного времени суток – ночи.

А в комнатах, во тьме *ночной*
 Какая *тишина!* Ты слышишь [1, с. 8].

И, удивленный, теперь я плыву,
В тишине по звездам гадаю [1, с. 10].

Но в тишине еще синют звезды
И вянут затонувшие венки [1, с. 11].

Ночь холодней и тише при луне [1, с. 40].

Ночь в своем безмолвии предвечном пела [1, с. 87].

В мировосприятии поэта находят отражение традиционные ассоциации ночного времени суток с замиранием жизни и создается своего рода акустическая антитеза: тишина, безмолвие как символы ночи, отсутствия жизни противопоставляются звукам дня, пробуждению всего живого.

Языковую репрезентацию ассоциативного восприятия тишины как неизменного атрибута смерти мы видим и в следующих примерах:

Проходит жизнь. И тишина пройдет [1, с. 38].

И в тишине задумчиво глядела
На утренний туман, и в кресле у окна
Такое серое и гибнущее тело [1, с. 46].

Пустынно тихое кладбище [1, с. 65].

Разговоры будто бы в могиле,
Тишина, которой не смутить [1, с. 66].

И тихо над ним жизни развеялся дым [1, с. 90].

Все поггло, все кончено...
Видишь ты, – кровь на снегу.
Тишина. Тишина. Поднимается солнце.
Ни слова. Тридцать градусов холода.
Тускло сияет гранит [1, с. 23].

Именно в окружении безмолвия в мировосприятии поэта происходит расставание человека с жизнью. Усилению ощущения безмолвия в последнем примере способствует лексический повтор существительного *тишина*. Ассоциативные связи отсутствия звуков усиливаются и за счет указания температурных ощущений, испытываемых человеком. Тишина, свойственная потустороннему миру, в представлении лирического героя, может быть присуща и действительности, противопоставленной давно ушедшему времени, когда герой был счастлив (*Десять лет прошло, и мы не в силах / Этого ни вспомнить, ни забыть // Тысяча пройдет, не повторится / Не вернется это никогда // На земле была одна столица / Все другое – просто города*).

Отметим также, что в мироощущении поэта отсутствие у окружающей действительности акустических характеристик соответствует и определенному времени года – зиме, также традиционно ассоциирующейся с гибелью.

Вот жизнь, – пелена снеговая,
И ночи, и здесь тишина [1, с. 16].

Лишь стук шагов, далекий, верный,
Слышнее в страшной тишине [1, с. 17].

Тихо. Пустая телега
Изредка продребезжит.
Полное близкого снега
Небо недвижно висит [1, с. 37].

Тишина выступает и в качестве фона, на котором акцентируются наиболее значимые звуковые черты действительности. Отрицательный эмоционально-оценочный компонент привносит в семантику лексемы *тишина* соположение ее с прилагательным *страшной*.

Отсутствие звуков в окружающем мире в поэтических произведениях Г. Адамовича на лексическом уровне находит выражение и в использовании форм отрицания (*не расслышал, не слышит, не плещут*).

Что ж не приходит он ко мне, *не слышит*
Еще не ослабевший голос мой? [1, с. 43]
И лебеди *не плещут*

<...>

И рог *не слышен* дальний [1, с. 48].

Леса *не шумят* [1, с. 83].

И даже не встал. Ничего *не расслышал*,
На голос из-за моря звавший не вышел
<...>

А вот, еще говорят – «человек»! [1, с. 88]

Отметим, что неспособность воспринимать голос другого человека становится эквивалентом утраты лирическим героем нравственных человеческих качеств.

Немногочисленными являются в поэтических произведениях Г. Адамовича случаи указания на звуковые характеристики, присущие реалиям окружающего мира, таким как оружие, транспорт (*Автомобили за ними гудят* [1, с. 22]; *И щелкнул курок пистолета* [1, с. 23]; *Звонят телефоны* [1, с. 30]).

Заметим, что в поэтических произведениях Г. Адамовича единичными являются случаи употребления лексем, вызывающих те или иные акустические ассоциации, таких, например, как имена собственные, называющие композиторов (*Вагнер, Григ*), причем подобного рода обозначения выносятся в название текста, «которое занимает сильную позицию и не случайно рассматривается исследователями как “аббревиатура” всего текста, как отражение собственно авторской интерпретации» [5, с. 167]. Интересным,

на наш взгляд, является и то, что в данных художественных текстах впечатления, вызванные у лирического героя музыкальными произведениями, в частности, Вагнера, передаются посредством перечисления визуальных образов окружающего мира.

Падает снег, звенят телефоны,
Белое небо глядит в окно,
Небо, – совсем полотно
Над крышей, трубой, ржавой, зеленой [1, с. 30]

Туман, туман... Пастух поет устало.
Исландский брег. И много лебедей [1, с. 37].

Таким образом, в поэтических произведениях Г. Адамовича звуковые характеристики окружающей действительности способствуют наиболее глубокому и точному раскрытию мировосприятия поэта, его душевного состояния. Отличительной чертой акустической картины мира поэта является сближение различных объектов и явлений действительности, а также внутренних переживаний (*тоска*) посредством наделения их едиными звуковыми характеристиками. Отметим также, что в поэтических произведениях Г. Адамовича практически отсутствуют имена собственные, ассоциативно связанные с теми или иными музыкальными произведениями.

Библиографический список

1. Адамович, Г. Стихотворения [Текст] / Г. Адамович. – Томск : Водолей, 1995. – 96 с.
2. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования [Текст] / И. Р. Гальперин ; отв. ред. Г. В. Степанов. – Изд-е 7-е. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 144 с.
3. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке [Текст] / Г. В. Колшанский ; отв. ред. А. М. Шахнарович ; предисл. С. И. Мельник и А. М. Шахнаровича. – Изд. 3-е стереотип. – М. : Ком-книга, 2006. – 128 с.
4. Кравченко, А. В. Язык и восприятие : Когнитивные аспекты языковой категоризации [Текст] / А. В. Кравченко. – Иркутск, 1996.
5. Николина, Н. А. Филологический анализ текста [Текст] : учеб. пособие для студ. выс. пед. учеб. заведений / Н. А. Николина. – М. : Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.